

Петр Алексеевич Ширяев

Рассказы



Петр Ширяев

Рассказы

«Public Domain»

Ширяев П. А.

Рассказы / П. А. Ширяев — «Public Domain»,

«...Лестница была устлана ковром. Темные двери квартир, с медными дощечками, солидно разместились по просторным площадкам; внизу- купол узорного лифта, похожего на часовню. Юноша приложил ухо к замочной скважине, прислушался и, решительно высморкавшись, нажал пуговку звонка. Все последующее произошло ужасно быстро. Большая столовая с массивной мебелью и тишиной, по которой важно расхаживал маятник больших часов, обняла юношу...»

© Ширяев П. А.

© Public Domain

Содержание

Цикута	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Петр Алексеевич Ширяев

Рассказы

Цикута

I

Прежде чем позвонить, рыжеволосый юноша еще раз перечитал надпись на медной, начищенной ярко пластинке:

Присяжный поверенный
Вениамин Аполлонович
ГУДИМ

Лестница была устлана ковром. Темные двери квартир, с медными дощечками, солидно разместились по просторным площадкам; внизу – купол узорного лифта, похожего на часовню. Юноша приложил ухо к замочной скважине, прислушался и, решительно высморкавшись, нажал пуговку звонка. Все последующее произошло ужасно быстро. Большая столовая с массивной мебелью и тишиной, по которой важно расхаживал маятник больших часов, обняла юношу.

– Как доложить Вениамину Аполлоновичу?

– Скажите я... Я – по делу!.. Я сам скажу, я только что приехал, скажите...

Рыжеволосый посетитель облегченно вздохнул, когда белый фартучек горничной исчез, оставив после себя пряный запах гелиотропа. Хлопнувшая где-то дверь глотнула четкие каблучки, и в тишине столовой выпятился на глаза пузатый буфет с многочисленными дверцами, колонками и резьбой, похожий на средневековый замок.

Юноша подозрительно осмотрелся, заглянул в одно окно, в другое и что-то пощупал в боковом кармане пиджака.

В кабинете – глухой голос пригласил садиться. Из-за письменного стола навстречу юноше двинулись два медленных свинцовых глаза, казавшиеся очень большими на костлявом лице.

Оглянувшись на дверь, юноша шагнул к письменному столу и быстро проговорил:

– Я от Михаила! У Николая Петровича родился сын...

– Кто крестный? – спросил человек за письменным столом.

– Вячеслав.

Вениамин Аполлонович Гудим встал и протянул юноше руку. В глухом его голосе будто открылась форточка, и стало приветливым суровое лицо.

– Ну, здравствуйте, товарищ! Присаживайтесь! От кого у вас ко мне явка?

Юноша горячо пожал протянутую руку и ужасно заторопился, когда начал рассказывать.

– Вы – товарищ Макс? Я из Нижнего. Я – Николай. Я приехал, я... Вы знаете, что Михаил Семенович арестован. Арестована Фаня, Леонид, Василий Васильевич, вся наша организация провалилась...

Вениамин Аполлонович протянул к нему дрогнувшую руку, будто пытался остановить эту торопливую речь, и так, с протянутой рукой, снова опустился в кресло.

– Да, да!.. И Фаня, и Леонид. Я один из всей организации уцелел. По-олный разгром! – взволнованно продолжал юноша, повторяя сказанное. – Аресты начались в субботу, первого

арестовали Михаила Семеновича... От всей организации остался только шрифт, он сейчас у моей сестры. Я да шрифт.

Вениамин Аполлонович молчал, сгорбленный, уйдя глубоко в кресло с высокой спинкой. Ни одним словом не прервал он рассказа Николая. И когда Николай кончил – он, казалось, все еще напряженно слушал отзвучавшие слова.

– А... как же уцелели вы? – спросил он, наконец, нарушая молчание, казавшееся бесконечно долгим.

Медленные глаза его поднялись к Николаю, к изрытому оспинками лицу с большим жабым ртом.

– Я... случайно не ночевал дома. Сестра предупредила меня о засаде. Если бы не она... У нее как раз и шрифт.

Николай проговорил это смущенно, словно чувствуя себя виноватым в том, что он один из всех уцелел.

У Вениамина Аполлоновича под нижней губой был кустик светлых волос. Он закрутил их в запятую и встал. Ковер заглушал шаги. Николай сидел у стола. Когда Вениамин Аполлонович повертывался к нему спиной, он быстро вскидывал на него глаза и провожал его наблюдающим взглядом через весь кабинет, до поворота, и так же быстро опускал глаза, лишь только Вениамин Аполлонович повертывался лицом к нему.

Опустив голову и вздернув костистые плечи, Вениамин Аполлонович долго и молча шагал по кабинету.

Николай тихо проговорил:

– Я хочу немедленно работать...

Вениамин Аполлонович кашлянул и продолжал ходить; заговорил, не поднимая головы:

– В Нижний вам, конечно, ехать нельзя, схватят. Придется послать за шрифтом кого-нибудь другого. Шрифт нам нужен. Кого-нибудь другого, да, да! Людей у нас мало, очень мало, очень... А вам мы дадим работу, работа есть, много работы!.. Неужели же Михаил арестован?! – круто встал он перед Николаем. – Это же, это... не-ве-ро-ят-но! И Фаня? И Леонид?! Вы давно в организации? С девятьсот пятого?

Вениамин Аполлонович вдруг, быстро, нагнулся к Николаю.

– А ведь не-хо-ро-шо?! – дыша в лицо Николаю, прошептал он. И шепот его был острый, колющий и страстный.

– Что?

– Не-хо-ро-шо! – еще тише, еще острее повторил Вениамин Аполлонович. Костлявое лицо с двумя огромными серыми глазами придвинулось так близко, что Николай съежился, и у него было ощущение – будто серый автомобиль с разбегу повесил над его жизнью два своих фонаря... И, глядя в них снизу, он испуганно прохрипел:

– Что нехорошо?

Вениамин Аполлонович взмахнул рукой, схватывая воздух, распустил пальцы, посмотрел на ладонь и, выпрямившись, заговорил зло:

– Конспирации, вот чего не хватает вам, молодежи! А конспирация – вещь очень простая, чрезвычайно простая! Надо только забыть, что вы – Николай. Надо ежесекундно помнить одно: меня, как такового – нет, не су-щест-ву-ет! Николая нет! Есть организация. Поняли? Вы и каждый ваш шаг связаны с сложным и дорогим механизмом, портящимся от одного неверного движения... Вы – частичка целого. Вы – организация. И тогда конспирация становится для вас такой же естественной и простой вещью, как, например, еда, когда вы несете ложку в рот, а не в нос или в глаз... Я вдвое старше вас. Я старый работник. Но я не существую, как личность. Меня нет. Есть организация, партия, дело... Мы отвечаем перед народом...

Вениамин Аполлонович подошел к столу и, закулив, жадно затянулся. Потом протянул портсигар Николаю.

– Я не курю.

Когда Николай уходил, снабженный адресом неизвестной ему "товарища Наташи", где он должен получить дальнейшие указания и работу, Вениамин Аполлонович задержал его на дороге.

– Забудьте, что существует Вениамин Аполлонович Гудим, – проговорил он, растягивая выразительно слова. – Такого нет, и вы не знаете такого. Есть – товарищ Макс. Никогда вы у меня на квартире не были. Поняли? Идите! Скажите товарищу Наташе, что сегодня, в семь, я жду ее.

II

Буйный, пестрый букет цветов озарял большую комнату свежестью красок, и от них в комнате казалось расцветней и больше воздуху. Невольно вспоминалось поле, где так много неба. И, может быть, от этого печаль на красивом лице Наташи проступала ярче и напоминалась. Она сидела у окна, сцепив на колене голые, обвеянные загаром руки. Николай только что кончил печальный рассказ о разгроме нижегородской организации. Он в первый раз видел Наташу. Наташа впервые видела его.

– Когда вы приехали? – мягко, будто по бархату прошла словами, спросила Наташа.

– Сегодня утром. Я с вокзала прямо к товарищу Макс.

– Макс, конечно, читал вам поучения, а чаю не предложил, – с улыбкой встала Наташа. – Он у нас такой... Понравился он вам?

Такая же тихая и мягкая в движениях, как и в словах, она неторопливо накрыла стол, принесла самовар, колбасу, сыр и, усевшись против Николая, строго следила за тем, чтобы он ел и сыр, и колбасу, и ватрушки.

– Ешьте и не возражайте! Люблю, когда едят с аппетитом. Простите, я не дослушала, что вы сказали о Максе?

– У него очень большие глаза. Такие... кажется, одни глаза, а ничего другого нет!

Наташа серьезно сказала:

– У него большое сердце... Вот поработаете у нас – убедитесь. Сколько вам лет?

– Двадцать один... То есть, почти двадцать один, – смутившись, поправился Николай и, помолчав, неожиданно добавил: – В ноябре сравняется двадцать...

– У вас в Нижнем есть родственники?

– Сестра Лиза.

– Это у нее лежит шрифт? Она беспартийная?

Наташа задумалась. Николай исподлобья наблюдал за ней. На одном из пальцев правой руки она носила кольцо. Николай посмотрел на кольцо и спросил:

– Вы та самая Наташа... Ваш муж осужден по делу киевской организации?

Наташа тихо кивнула головой.

– А вы откуда знаете? Вам говорил Макс?

– Нет, Михаил Семенович рассказывал...

Наташа не спросила, когда и что рассказывал Михаил Семенович Николаю; обвела пальцем узор скатерти, и, подавив вздох, выпрямилась.

– Я вас, товарищ, пока направлю в Куское на дачу. Там поживете для дезинфекции, оглядитесь. Потом и на работу. Паспорт у вас есть?

– Да.

– Надежный?

– Настоящий.

– А деньги?

– Тоже есть.

– Сколько? А ну... показывайте вашу кассу! Рубль десять копеек?! И это все?! – расмеялась Наташа, заглянув в кошелек. – Да вы комик!

Она достала из стола пятнадцать рублей и всунула их в кошелек Николая,

– Теперь вы нелегальный, не рассуждайте!.. Кстати, возьмите цветочков, подарите их от меня Оле. Хозяйку дачи зовут Ольга Александровна, запомните. Там очень хорошо, отдохнете и успокоитесь, а работы у нас хватит...

Проводив Николая, Наташа подошла к раскрытому окну и, выждав, когда он выйдет из подъезда, долго наблюдала за ним. Выйдя из подъезда, Николай посмотрел на номер дома, где жила Наташа, и, словно запоминая что, осмотрелся по сторонам. Потом торопливо зашагал по улице и, раза два оглянувшись, скрылся за углом. Извозчик, стоявший на другой стороне улицы, трусцой поехал по тому же направлению.

III

Наташа, а с нею и весь комитет, были уверены в благополучном исходе поездки за шрифтом. Было решено послать Сергея, а Сергей был старым, опытным волком в таких делах. По внешности Сергей напоминал скорее молодца из Охотного ряда, чем революционера-подпольщика. Длинный пиджак и сапоги бутылкой дополняли сходство. Самому Сергею поездка казалась пустяком, и в ответ на наставления Вениамина Аполлоновича о конспирации он так уморительно поклонился стриженной в скобку головой и так по-охотнорядски почтительно снял и развел суконным засаленным картузом, что все расхохотались. Даже нервный и вспыльчивый Адольф.

– Не извольте сомневаться, барин, рыбец-с первый сорт-с! Покорнейше благодарим-с, милости просим в другой раз!

По дороге в Нижний Сергей усердно наливался чаем из захваченного с собой чайника, ел колбасу, крупно нарезанную перочинным ножом, крестился и икал... С предупредительностью лавочника помогал соседям размещать по полкам багаж и при каждом случае извинялся:

– Виноват-с, что вы изволили сказать? Никак-с нет!

На вокзале в Нижнем Сергей долго и навязчиво расспрашивал у жандарма, как ему пройти на Больничную улицу; потом толкался по вокзалу, пил вприкуску чай в буфете третьего класса и вышел с вокзала только тогда, когда убедился, что за ним не следят.

Сестра Николая жила на окраине города. На звонок Сергея вышла молодая женщина с приветливым лицом.

– Лизавета Семеновна Новожилова здесь квартируют?

– Здесь. Вам что?

– Нам повидать ее...

Молодая женщина посмотрела на рыжий кожаный чемодан в руке Сергея. Сказала немного удивленная:

– Я Елизавета Семеновна.

Сергей улыбнулся и решительно шагнул в калитку.

– Здравствуйте, я – от Коли. Он вам кланяется и просил передать, что жив и благоденствует.

– От Коли?! Боже мой! – радостно всплеснула руками Елизавета Семеновна и заторопилась, пропуская вперед Сергея. – Заходите, заходите, пожалуйста! Я так за него беспокоилась, так боялась! Значит, все благополучно?

В маленьких комнатках было опрятно и пахло яблоками. На одной из стен висел большой портрет Толстого.

– Мы с мужем как проводили его – все время беспокоились! Боялись, что по дороге его арестуют. Слава богу, что все хорошо! Как он там живет, как устроился?

– Великолепно!

Сергей совсем не знал, как живет Николай, и видел его только один раз, в день отъезда, когда получил от него необходимые для поездки сведения.

– Я к вам за багажом, – многозначительно посмотрел он на Елизавету Семеновну, – цел он?

– Шрифт?

– Да.

– Цел, цел, с ним столько было хлопот! Прятали, перепрятывали, у нас в городе обыски без конца.

Сергей до вечера просидел в маленьких чистых комнатах, где так славно пахло яблоками и медом. За чаем он вел бесконечные споры с Елизаветой Семеновной и ее мужем, доказывая несостоятельность толстовского учения "о непротвлении злу". Муж Елизаветы Семеновны с вдумчивым, апостольским лицом мягко возражал. В его мягкости чувствовалась сталь, которую не сломать.

"Какие милые, славные люди", – думал Сергей, сидя на извозчике, с объемистой корзиной в ногах. К ручке корзины веревочкой был привязан чайник из белой жести.

Жизнь подпольного работника-революционера напоминала всегда Сергею жизнь пчелы, собирающей в полях и садах драгоценную медовую влагу. Незнакомые города, чужие дома и семьи, люди, с которыми часто встречаешься первый и последний раз, были чашечками цветов, в глубине которых теплился огонек сочувствия, огонек одной и той же огромной любви к свободному, прекрасному будущему. И в этих случайных встречах с людьми, доселе неведомыми – поэтому велись речи, очищенные от житейских будней и дрызг, речи о народе, об идеалах, об общем всечеловеческом счастье. И, быть может, поэтому после таких встреч оставалось светлое и радостное чувство на душе, сильнее верилось, а люди, с которыми только что расстался, казались милыми, добрыми, прекрасными. И не пугали опасности этой жизни. Корзинка со шрифтом казалась тем чудодейственным средством, которое спасет и осчастливит, наконец, человечество.

– Хороший город Нижний! – сказал Сергей извозчику, чувствуя потребность что-нибудь сказать.

– Первый город! – с достоинством отозвался извозчик, окая, как истый нижегородец. – Ярмарки такой не сыскать. Из Москвы будете?

– Из Москвы. К сестре приезжал. Сестра у меня тут отдана, – начал врать Сергей, присматриваясь к извозничьей спине и думая о том, что извозчики часто бывают шпиками. – Сено у вас почему?

– Сена нынешний год дорогие!

"У извозчиков сена и овес всегда дорогие!" – подумал Сергей и, почему-то решив, что извозчик не шпики, успокоился и заговорил об ярмарке.

В вагоне он опять наливался чаем, ел колбасу, вел разговоры с почтенной чуйкой напротив, плевал на пол и растирал плевки сапогами. Подъезжая к Москве, он прошел два раза по вагону. Ничто не внушало подозрений. Все пассажиры казались обыкновенными пассажирами.

"Кажется, все в порядке! – подумал он. – На Курском выйду вместе с этой чуйкой, заведу разговор, так лучше!"

– И куда спешат?! – сказал он чуйке, когда поезд остановился и пассажиры бросились к выходу. – Все выйдем, успеем... Невцивилизованный народ пошел!

– Да уж... – неопределенно согласилась чуйка и втиснулась в кашу, образовавшуюся на площадке.

Тяжелая корзина оттягивала плечо, но Сергей старался держаться прямо, свободно, делая вид, что корзина совсем легкая.

– Один раз, в позапрошлом годе, послал меня, например, хозяин в Царицын, – громко врал он, идя рядом с чуйкой к выходу, – поехал я, изволите видеть, приезжаю, значит, туда...

Широкая рука прочно взяла Сергея сзади под локоть. Он не успел додумать какой-то мысли. Рослый жандарм очутился близко-близко. Слева – человек в штатском протягивал руку к корзине.

Мысль лопнула режущими осколками:

"Вокзал... Толпа... Скроюсь..."

От толчка с жандарма свалился картуз, но цепкие руки осадили Сергея назад, и, казалось, вся толпа, все толкавшиеся на вокзале люди всей своей многопудовой непосильной тяжестью повисли на плечах. Десятки глаз со всех сторон протянулись к Сергею – испуганные, непонимающие, любопытные, но все чужие. И острое сознание одиночества, тоскливое и вместе с тем успокаивающее, как сталь в сердце, вошло в Сергея...

В дежурной жандармской комнате Сергей снял картуз, вытер потный лоб и, глядя на корзину, около которой, развязывая, уже хлопотал торопливо человек в штатском, с искренним сожалением произнес:

– На кой же черт я пер все это сюда?!

– Для нас меньше хлопот! – язвительно отозвался в штатском, поднимая к Сергею лицо от корзины.

Сергей, на всю жизнь запоминая это запрокинутое ноздреватое лицо с тараканьими усами, с отвращением и ненавистью плюнул в него.

IV

Об аресте Сергея первым узнал Адольф. Сергею удалось переслать из участка на волю коротенькую записку:

"Арестован на Курском вокзале по приезду. Провокация несомненна. Сергей".

Прочитав записку, Адольф подошел к зеркалу и, дернув за нос сразу поглупевшее лицо, поклонился:

– С приездом!..

Перечитал еще раз записку. Страшными были последние два слова: "Провокация несомненна".

Торопливо напихав во все карманы с полдюжины газет – без газет Адольф не чувствовал себя Адольфом, – Адольф помчался к Наташе. Когда шел по улице, ему казалось, что он едет в вагоне поезда и назойливые колеса отстукивают одно и то же слово: "Про-во-ка-ция... Про-во-ка-ция... Про-во-ка-ция..." С этим словом в голове и на языке он отчаянно дернул ручку звонка у Наташиной квартиры. Наташа сама открыла дверь. Увидев Адольфа, она замахала обеими руками. У нее было встревоженное, помятое лицо.

– Уходите скорее! Уходите! У меня только что кончился обыск!

Как кегельбанный шар от борта, Адольф задом откатился назад, забыв о цели своего прихода. Два пролета лестницы промелькнули сном.

– Адольф! Адольф! Минутку! – перегнувшись через перила, сверху звала его Наташа. Адольф опомнился на третьей площадке.

– Сергей арестован! Провокация! – крикнул он снизу Наташе и, не слушая ее умоляющего зова, нахлобучил на нос кепку и выкатился на улицу. Торчавшие из всех карманов газеты делали его круглую фигурку смешной и нелепой, похожей на странную полуоци-

панную птицу с надломленными крыльями. Промчавшись несколько сажень по тротуару, опрокинув лоток с грушами у разносчика, он круто остановился, подумал и так же стремительно понесся обратно.

Наташа, открыв дверь, поймала его за пиджак и почти силою втащила в коридор.

– Куда вы умчались?! Расскажите скорее, в чем дело? Надо предупредить Макса! Надо собраться немедленно и обсудить. Рассказывайте же скорей! У меня рылись всю ночь, до утра. Ничего не нашли! Адреса я успела уничтожить.

Пугливо озираясь и прислушиваясь, Адольф сунул Наташе записочку Сергея, свернутую в микроскопический шарик. Адольф держал его все время в руках, пока шел по улицам, готовый в любой момент проглотить.

– Читайте скорей! Сергей арестован, провокация, – скороговоркой проговорил он. – Прочли? Проглотите сейчас же!

Адольф вырвал у Наташи записочку, скомкал ее и сунул Наташе ко рту.

– Глотайте!

Наташа не могла удержаться от улыбки.

– Зачем же глотать, когда можно сжечь!..

Адольф вместо ответа быстро сунул шарик в рот и глотнул, выпучив круглые глаза.

– Ну, я пойду! – повернулся он к двери,

Наташа опять поймала его за пиджак.

– Да подождите вы!.. Где соберемся? Надо, необходимо собраться. Завтра, послезавтра? Надо Макса предупредить...

– В субботу, на Якиманке, в семь, – прошипел, как сковорода, Адольф и, не слушая Наташи, выскочил в дверь.

Вениамина Аполлоновича дома не было. Адольф оставил ему записку:

"Сережа серьезно болен. Зайдите навестить тетушку. Наталия Андреевна очень расстроена, ей тоже нездоровится".

Под словом "тетушка" подразумевалась конспиративная квартира на Якиманке, где происходили заседания комитета.

В этот день и улицы, и дома, и люди странно переменились. Городская сутолока с ее экипажами, трамваями, конками, магазинами и пивными, с ее тысяченогим торопливым шмыгом тротуаров, где тысячи незнакомых людей встречаются, расходятся, обгоняют друг друга, спеша каждый по своим делам, со своими мыслями и мыслишками, радостями и печалью, вся эта суэта, праздная и не праздная, без которой подпольный революционер, как без воды рыба, не мог жить и дышать, – в этот день была похожа на огромного дикобраза, выпустившего свои колючки на каждом перекрестке, на каждом шагу, в трамваях, с извозчиков, из подъездов каменных, незнакомых Адольфу, громад. Каждый встречный был предателем; предательством дышала каждая улица и каждый камень. И было такое ощущение, что над головой шевелится страшная крыша, готовая каждую минуту обрушиться. Иногда казалось, вот-вот из этой суеты и уличного грохота протянется неведомая рука сзади и... схватит. И невольно Адольф втягивал в плечи голову и ускорял шаги. У театра Солодовникова на огромной розовой афише он пять минут читал крупно написанное слово "Предатель", вместо "Кармен". Тверскую Адольф обошел. Там был переулок с зловещим тупиком, хорошо знакомый каждому революционеру. И самое название переулочка – Гнезниковский – в этот день звучало змеиным затаенным укусом предательства и ядом.

На Никитском бульваре Адольф присел на скамью и закрылся "Русскими Ведомостями". Мысль его безнадежно кружилась по заколдованному кругу.

"...арест Сергея, обыск у Наташи, предательство... Кто?"

Ответа не было. И было страшно.

Господин в золотых очках и котелке слишком внимательно посмотрел на Адольфа как раз в тот момент, когда Адольф выпянул из газеты. Адольф поймал этот взгляд, и мурашки скатились от затылка за воротник, по спине. Хитрые глаза из-под золотых очков проникли глубоко внутрь и, казалось, нащупали как раз то, что тщательнее всего было спрятано. Стараясь казаться беспечным, но чувствуя, как ноги просятся бежать вдоль по бульвару, Адольф встал. Сердце колотилось как у пойманного воробья. Медленными, неторопливыми шагами он пошел в сторону, противоположную той, куда шел господин в золотых очках.

– Сейчас повернет за мной... Шпик!.. – Адольф едва удерживался от того, чтобы не обернуться. Почувствовал вдруг в желудке проглоченную у Наташи записку Сергея, будто это была не микроскопическая бумажка, а бульжник из мостовой. Ноги не слушали увещаний старого подпольщика и срывались, готовые улепетнуть и бросить на произвол судьбы туловище и сдерживающую их кучерявую голову конспиратора.

В таких случаях всегда развязывается шнурок у ботинок... Адольф остановился и, нагнувшись, скосил назад выпуклые глаза. Золотых очков не было, но как раз напротив торчали два подлых, рыжих глаза субъекта в коричневом костюме. Здесь ошибки не могло быть.

Адольф бегом спустился с бульвара и вскочил в проходивший трамвай. Субъект в коричневом, улыбаясь, помахал ему рукой, когда он выглянул из трамвая.

На квартиру к себе Адольф попал лишь поздно вечером. Хозяйка передала ему записку, оставленную солидным господином с бородавкой.

Макс писал:

"Мне сегодня нездоровится. Загляните к Наташе". Слово "нездоровится" было подчеркнуто. Но и без этого было понятно: и у Макса был обыск.

Квартира Макса была самой надежной квартирой. Ее и Макса берегли.

Адольф остро почувствовал, как над ним опускается неведомая и неотвратимая рука. Он сел на кровать, как был, в кепке, с запиханными во все карманы газетами, и закрыл руками лицо.

– Кто?..

V

Адольф, маленький, выпуклый, странно напоминавший кепку с пуговкой на макушке, катался по комнате и брызгал торопливыми страстными фразами. Он всегда горячился и в обсуждение даже простых вопросов всегда вносил страстность.

– Так дальше продолжаться не может. Не мо-же-ет! Ждать, когда нас всех пересажуют? Вы этого хотите? А вы? Я тоже не хо-чу! Вы знаете, что и сюда я шел с таким же чувством, как мышь в мышеловку. Я переменял трех извозчиков, шесть трамваев, пять верст пешком исколесил, прежде чем попасть сюда. Где гарантия, что за мной, за вами, за нами нет слежки? Так не-во-змо-жно!!

Вениамин Аполлонович с бесстрастным лицом крутил светлый кустик волос под губой. Молчала и Наташа. Адольф поминутно останавливался перед ними и выбрасывал вперед руку, будто у него в горсти были зажаты эти страстные, прыгающие слова.

– Я спрашиваю вас, товарищи, – чем объяснить эти провалы? Чем? Шесть провалов на протяжении двух недель! Арест Сергея, обыск у вас, у Наташи, провал дачи в Кускове!? Что это, то-ва-ри-щи-и?! Это – про-во-ка-ция! Это значит – в организации есть пре-да-тель.

– Какие же выводы? – глухо спросил Вениамин Аполлонович.

– Выводы? Выводы? – вскрикнул Адольф и описал по комнате полукруг. – Выводы? Извольте! Я настаиваю на временном роспуске организации.

Вениамин Аполлонович нахмурился. Адольф заметил это и закипел.

– Что? Что вы хотите этим сказать? – обрушился он на него. – Вы не согласны! Да? Не согласны? Тогда, тогда...

Адольф перевел дух, посмотрел на Наташу...

– Тогда я заявляю о своем выходе из комитета!!! Я не могу работать в такой атмосфере. Я не желаю играть в круглого идиота.

"Идиот" Адольф произносит как "идиет".

Мелкие капельки пота выступили на его круглом лице. Он изнеможенно упал на диван и устался в потолок, всем своим видом показывая, что больше говорить не о чем и что для него – все кончено. Правая нога его выбивала мелкую дробь по паркету, и в такт ей крутились большие пальцы рук, один вокруг другого.

Вениамин Аполлонович кашлянул.

– Я считаю ваше заявление, товарищ Адольф, недостойным члена комитета и старого партийного работника.

Адольф подпрыгнул с дивана, как пущенная ракета.

– А я считаю преступным продолжать работу, когда в организации есть невыявленное предательство! – выкрикнул он.

Наташа встала и взяла Адольфа за локоть. Адольф яростно повернулся к ней, готовый к отпору.

– А я? А Макс? – тихо сказала Наташа, глядя ему в глаза. – Вы не один в комитете! Голубчик Адольф, так нельзя!..

Как укрощенный дикарь, Адольф скомкался и стих; взъерошил африканские волосы и снова мрачно уселся на диван, дергая то плечом, то ногой и громко сопя, что у него всегда было признаком большой взволнованности.

– Я вчера вот, – Наташа достала из сумочки исписанные мелко листки бумаги и протянула их Адольфу, – получила письмо из Орловского централа. Прочтите! Там товарищи кончают самоубийством от пыток и издевательства, а мы хотим здесь отойти от работы... Распустить организацию? Но сердцу-то не прикажешь: не бейся!

Наташа остановилась у дивана против Адольфа, быстро пробежавшего исписанные листки.

– Нельзя так, милый Адольф!

– Но что, что же делать?! – с надрывом воскликнул Адольф, комкая прочитанное письмо, и повернулся к Вениамину Аполлоновичу, сидевшему за столом. Туда же повернулась и Наташа.

Сгорбленный сидел Вениамин Аполлонович и постаревший. Карандаш в руке у него мелко вздрагивал, и смешно вис книзу правый ус. Он молчал, сосредоточенный и упорный в каких-то думах.

– Чем объяснить, например, арест Сергея? – спокойнее заговорил Адольф. – Вся обстановка ареста говорит о несомненном предательстве. Охранка знала о поездке Сергея. Она ждала его. Сергей достаточно опытен, он утверждает, что его выдали!.. Ведь кроме нас – никто не знал об этой поездке?!

Вениамин Аполлонович передвинул к Адольфу медленные, внимательные глаза.

– Что вы? – спросил Адольф.

– Продолжайте, продолжайте! – тихо сказал Вениамин Аполлонович, передвигая глаза на Наташу и как бы приглашая ее особенно внимательно слушать.

– Если предположить, что его выследили в Нижнем, тогда почему его не арестовали там же? Да я не допускаю, чтобы Сергей мог не заметить слежки! Затем – дача в Кускове? И здесь все говорит за то, что охранка была информирована человеком знающим. Почему сразу же бросились в сарай, где хранился станок, оружие? А квартира на Долгоруковской?! Наконец, эти обыски у вас! Вашей квартиры почти никто не посещал, кроме меня и Наташи...

Наташа, неслышно ходившая взад и вперед по комнате, вдруг остановилась, взглянула на Вениамина Аполлоновича и, словно отгоняя что, тряхнула головой.

— О поездке Сергея знал еще один человек, — глухо проговорил Вениамин Аполлонович и посмотрел по очереди на Адольфа и Наташу; после его слов молчанье натянулось до последнего предела, до жгучей близости бритвы, приставленной к открытому горлу. Обломок карандаша в руке у него прохрипел по бумаге и зарылся в нее, прорвав страницу книги. Адольф весь напряженно устремился к столу, к сломанному карандашу, к тонкому, готовому шевельнуться рту Вениамина Аполлоновича. Но Наташа предупредила:

— Ни-ко-лай?!

Вениамин Аполлонович горько наклонил голову. Некоторое время все трое молчали. Первый заговорил Вениамин Аполлонович. Он подробно рассказал о своей встрече с Николаем и, кропотливо разобравшись во всех обысках и арестах, имевших место после приезда Николая, установил простой и страшный в своей простоте факт: проваливались только те квартиры, где побывал Николай.

— Тяжело и страшно высказывать подозрение, — заканчивая, говорил Вениамин Аполлонович, — но перед нами вопрос о жизни организации. Вот почему я беру на себя ответственность...

Адольф глядел в раскрытое окно, но его курчавый, упрямый затылок напряженно слушал каждое слово за спиной. Наташа, скорбная, сидела у стола. Все, что говорил Вениамин Аполлонович, она знала, но она знала и что-то другое, не укладывавшееся ни в какие факты и логику.

— А я не верю, — сказала она, когда Вениамин Аполлонович кончил, — не могу верить. Как хотите, но вот... не верю! Как вспомню его, и не верю.

— Я ничего не утверждаю, — заметил Вениамин Аполлонович строго, — от подозрения до утверждения далеко.

— А вы, Макс, верите? — посмотрела на него Наташа. — Нутром верите?

Вениамин Аполлонович взялся за голову.

— Ах, Наташа! Нет, конечно, нет! Сердце протестует, но факты, факты!.. Чем опровергнуть их? Чем? Вспомните Клавдию Полякову. Разве кто-нибудь из нас, хотя бы на миг, мог допустить, чтобы эта милая, тихая Клавдия — и вдруг сотрудница охраны?! Никто. Разве вы допускали?..

— Нет.

— Вот видите! Никто не допускал, а на деле оказалось — эта милая Клаша — злостная, расчетливая предательница... И сколько народу из-за нее пропало — страшно подумать! Нет, тысячу раз нет! — шлепнул он по столу ладонью. — Поменьше сердца в таких делах, побольше трезвого, жестокого разума и логики! Логика неумолима, Наташа!

Адольф круто повернулся:

— Надо, товарищи, проверить это, проверить его! Ошибка здесь недопустима! Надо проверить.

У Наташи были благодарные глаза, когда она посмотрела на него. Вениамин Аполлонович перебил Адольфа коротким:

— Как?

— У меня есть знакомая семья в Салтыковке. Никакого отношения к революционным организациям не имеет, люди чистые во всех отношениях. Пошлем его туда... Скажем, что там склад оружия. Предлагаю намекнуть ему в разговоре, что оружие хранится в кладовой. У них есть кладовая... Понимаете? Если он провок, — он выдаст. Можно даже упомянуть, что оружие должно быть скоро перевезено оттуда, тогда он непременно поторопится донести куда следует...

– Вряд ли он попадется на эту удочку, – покачал головой Вениамин Аполлонович, – хотя... попробовать можно! Вы что скажете, Наташа?

– Я согласна. Так или иначе, но что-то надо предпринять.

– Я сейчас же отсюда поеду в Салтыковку, – сказал Адольф, – если это не даст результатов, попробую организовать за ним слежку...

– А согласятся ли на такой эксперимент ваши знакомые? – спросил Вениамин Аполлонович. – Обыск – удовольствие не из приятных! Кто они?

– Совершенно мирные обыватели, милые люди, и только! Они согласятся, я уверен. Да вы их немного должны знать, Макс! Помните, мы как-то с вами заходили в один дом по Тихоновской улице? Прошлым летом?

– Н-нет! – припоминая, не припомнил Вениамин Аполлонович и встал, смотря на часы.

– Пора расходиться! Кто первый выйдет? Вы, Адольф? Ну, пожелаем успеха нашему плану. Берегите себя, друзья, на наших плечах слишком, слишком много! А вы, Наташа, – задержал он руку Наташи в своей, – не забывайте примера Клавдии Поляковой. Не всегда сердце говорит правду. Я знаю, душой понимаю, как тяжело вам... Но и мне ведь нелегко, Наташа, милая!..

Голос Вениамина Аполлоновича дрогнул. Он повернул Наташу за плечи к двери.

– Идите, идите!

VI

Адольф с заседания комитета поехал в Салтыковку, а через два часа уже звонил у двери Наташи.

– Все сделано. Я из Салтыковки, там – согласны. Завтра, или даже сегодня посылайте его туда с каким-нибудь поручением. Не забудьте – дайте ему понять, где спрятано оружие... Если там будет обыск, я просил известить об этом вас... До свидания, я пойду к себе! Вы сказали, что сегодня он должен зайти ко мне – я хочу перебраться в другое место.

Наташа задержала Адольфа.

– Голубчик Адольф, скажите мне... Вы верите, что Николай предатель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.